

ИСТОРИЯ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ХАКАСИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Доклад Печерского В. А.

С началом Великой Отечественной войны советский народ вступил в период чрезвычайных испытаний. Отражение агрессии стран фашистского блока во главе с Германией требовало максимальной мобилизации всех имеющихся ресурсов. Роль судебных органов в этом процессе заключалась в поддержании законности и наказании тех, кто покушался на закон.

Особенностью советского правосудия военных лет являлось увеличение количества правонарушений, за которые устанавливалась уголовная ответственность и, как следствие, возрастание роли уголовного судопроизводства и рост нагрузки на судебные органы.

6 июля 1941 г. был принят Указ об уголовном наказании за распространение ложных слухов. В соответствии с этим нормативным правовым актом, виновные карались тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет; уклонение от сдачи радиоприёмников и призматических биноклей (ст. 59-6 УК РСФСР). Уклонение от обязательного обучения военному делу наказывалось лишением свободы на срок до 6 месяцев. Для колхозников невыработка обязательного минимума трудодней согласно Указу от 15 апреля 1942 г. стала уголовно наказуемым деянием¹. В таких условиях гражданам приходилось быть особенно сдержанными в словах и делах, отказаться от вольностей, которые они позволяли себе в мирное время, сдавать государству личные вещи. Судьи же обязаны были, несмотря на требования военного времени, тщательно изучать все обстоятельства уголовных дел и выносить справедливые приговоры.

В отдалённой от линии фронта Хакасии судебные органы функционировали на основании Закона «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик», принятого 16 августа 1938 г. Согласно данному законодательному акту система судов была подстроена к политико-административному делению СССР. В каждом административном образовании: районе или городе образовывались участки народного суда. В наиболее крупных городах действовало несколько участков народного суда, в г. Абакане таковых было 2.

Кроме судьи в штате народного суда состояли: секретарь канцелярии, секретарь судебного заседания и судебный исполнитель².

Согласно ст. 33 Закона о судеустройстве в составе краевого, областного, окружного суда и суда автономной области действовали:

судебная коллегия по уголовным делам для рассмотрения уголовных дел, как по первой инстанции, так и в кассационном порядке и судебная коллегия по гражданским делам. Уголовные и гражданские дела, судебные органы данной ступени, как и народные суды, рассматривали в составе председательствующего или члена суда и двух народных заседателей. Жалобы и протесты на вынесенные приговоры, определения, решения народных судов означенные судебные инстанции рассматривали в составе коллегии из трёх судей³. В составе Хакасского областного суда в годы Великой Отечественной войны работало от 3 до 6 судей. Недокомплект штата затруднял работу областного суда, не всегда позволяя организовать коллегия из 3 судей для пересмотра решения судов низшей инстанции.

Основная нагрузка по отправлению правосудия ложилась на народные суды. Ревизии народных судов Хакасской автономной области выявляли огромную загруженность названных инстанций. Так, проверяя работу народного суда г. Черногорска с 9 по 12 июня 1943 г. заместитель начальника управления наркомата государственной безопасности по ХАО Клепинин С. Н. выяснил, что в среднем за месяц в данную инстанцию поступало 152 дела, из них гражданских 23, уголовных 129. 83,7 % уголовных дел, рассматривавшихся народным судом главного промышленного центра Хакасии – г. Черногорска, были возбуждены за нарушение положений Указа «О переходе на восьмичасовой рабочий день, семидневную рабочую неделю, и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» от 26 июня 1940 г.

Такая нагрузка сказывалась на сроках рассмотрения судебных дел. Народный судья г. Черногорска Кузьменко с 1 марта по 1 июня 1943 г. рассматривал 44% находившихся в его производстве уголовных дел дольше 10 дней. 20% уголовных дел, возбуждённых по Указу от 26 июня 1940 г. и рассмотренных данной судебной инстанцией весной 1943 г. находилась в производстве свыше 48 и 72 часов, что являлось нарушением процессуальных норм. Также 37% гражданских дел рассматривалось с нарушением установленных сроков.

Оставляло желать лучшего и качество работы черногорского народного суда. Из 49 обжалованных и опротестованных приговоров судьи Кузьменко, вынесенных им совместно с народными заседателями с 1 марта по 1 июня 1943 г., было оставлено в силе 26, а отменено соответственно 19, приостановлено 4. Из 5 обжалованных гражданских дел в силе было оставлено 3⁴.

Подобное положение дел не являлось исключением. Проверка народного суда Ширинского района с 1 июля по 1 января 1943 г., когда

обязанности нарсудьи исполнял Многогрешных, показала следующие результаты. В среднем за месяц в суд поступало 118 дел, из них гражданских 31. Поскольку количество промышленных предприятий на территории Ширинского района было не столь велико как в г. Черногорске, среди уголовных дел, возбуждённых по Указу от 26 июня 1940 г., и попавших на стол судье Многогрешных, было 50%.

Работа нарсуда за указанный период не отличалась хорошим качеством. На 1 января 1943 г. оставалось нерассмотренными 51 дело. Нарушались сроки рассмотрения дел, проверяющая сторона объясняла такое положение дел неоперативностью судьи Многогрешных и территориальной разбросанностью Ширинского района.

Приговоры, выносимые Ширинским нарсудом, зачастую отменялись или изменялись облсудом. Из 70 приговоров, обжалованных и опротестованных в Хакасском областном суде в указанный срок, было изменено 5, отменено 18, прекращено 7. Вина за эти недостатки возлагалась на судью Многогрешных, его не надлежащую подготовку и недостаточно тщательное изучение им, в ходе процессов, материалов предварительного следствия⁵.

В Таштыпском народном суде с 1 мая по 1 ноября 1942 г. среднемесячное поступление составляло 72 дела, из них гражданских 36, из числа уголовных дел 57% были возбуждены согласно Указа от 26 июня 1940 г.⁶.

Несколько лучше обстояли дела в народном суде Усть-Абаканского района в период работы с 1 мая по 1 ноября 1942 г. В среднем нарсудья Харизов рассматривал 126 дел в месяц, из них 30 гражданских, из числа уголовных дел, рассмотренных данной инстанцией, 60% были заведены согласно Указа от 26 июня 1940 г. Из 51 обжалованного и опротестованного приговора облсуд оставил в силе 77,7%⁷.

Со временем качество работы народных судов не улучшалось. Проверка работы народного суда Боградского района с 1 ноября 1943 г. по 1 марта 1944 г. показала Среднемесячное поступление дел в указанный период составляло 72, из которых 35 гражданских. Из числа уголовных 39% дел были возбуждены согласно Указу от 15 апреля 1942 г. (Невыработка обязательного минимума трудней колхозниками), 14,2% составляли дела по ст. 162 УК РСФСР (тайное хищение чужого имущества - кража). Из числа гражданских 2 были делами особого производства, по взысканию штрафа и недоимок по обязательным поставкам сельхозпродуктов. 50% приговоров Боградского нарсуда было отменено.

Плохая работа народных судов области и нарсуда Богградского района, в частности, объяснялось низко квалификацией судебных работников. Народным судьёй в Богградском районе с 3 ноября работал Пётр Григорьевич Фёдоров 1916 г. р., имевший начальное образование, член ВКП(б). Пётр Фёдорович перед избранием на ответственную должность не имел ни юридической подготовки, ни опыта работы в судебных органах. Секретарём судебного заседания с ноября 1942 г. была Клавдия Карповна Меркулова 1925 г. р., окончившая 8 классов, член ВЛКСМ. Такой же срок секретарём канцелярии Богградского нарсуда работала Анна Ивановна Шахвостова, комсомолка 1921 г. р. Место судебного исполнителя в названном суде с 4 февраля 1944 г. занимал Александр Иванович Лопатин 1923 года рождения, инвалид великой Отечественной войны, окончивший 8 классов, кандидат в члены ВКП(б)⁸.

Многие народные судьи в Хакасии, а также сотрудники нарсудов были назначены на должности без учёта их образования, уровня подготовки и жизненного опыта. Оказавшись в непривычных для них условиях, молодые люди, пришедшие в суд со школьной скамьи, с фронта или работы, не имевшей отношения к органам юстиции, терялись и допускали ошибки, которые приходилось исправлять вышестоящим инстанциям.

Позднее народными судьями стали избираться квалифицированные по меркам эпохи юристы. С февраля 1944 г. нарсудьёй Ширинского района работала Ольга Моисеевна Драко, 1921 г. р., член ВКП(б). Ольга Моисеевна имела полное среднее образование (10 классов) и закончила 2 курса Свердловского юридического института. Как результат, работа Ширинского нарсуда, несмотря на отдельные недостатки, проходила вполне удовлетворительно: с 1 февраля по 1 мая 1944 г., несмотря на то, что в среднем за месяц в данный суд поступало 155 дел, из 7 опротестованных было оставлено в силе 5⁹.

До назначения в ноябре 1942 г. на должность нарсудьи Бейского района Николай Яковлевич Будинко, 1887 г. р., имел большой опыт работы в судебных органах (с 1923 г.), а в 1925 г. окончил шестимесячные юридические курсы. Занимавший место народного судьи Аскизского района с мая 1943 г. Виктор Данилович Миягашев, 1915 г. р., окончил 7 классов и в 1938 г., он завершив обучение в одногодичной юридической школе, поступил на судебную работу. Несмотря на достаточно высокий уровень подготовки, работа Виктора Даниловича вызывала серьёзные нарекания, отмечалось её ухудшение в 1 квартале 1944 г. С. Н. Клепинин связывал это с нежеланием Миягашева работать в нарсуде, чего не отрицал и сам судья¹⁰.

Достаточным опытом и уровнем образования, по тем временам, обладала Надежда Васильевна Забинова, 1908 г. р., работавшая с 15 февраля 1944 г. народным судьёй 2-го участка города Абакана. Имея общее среднее образование, она в 1936 г. окончила юридическую школу и поступила на судебную работу. На этом Надежда Васильевна не остановилась и в 1940 г. она имела за плечами 3 курса Правовой академии. Опыт, образование и не слишком интенсивное поступление дел: с 1 мая по 1 ноября 1944 г. во 2-й участок Абаканского нарсуда поступало в среднем 41 дело в месяц, способствовали хорошей работе данной судебной инстанции. В указанный срок было обжаловано 12 решений Н. В. Забиновой и помогавших ей народных заседателей. 7 решений было оставлено в силе, изменено 1 и отменено 4. Отменены были в основном решения по семейно-имущественным делам¹¹.

Все недостатки народных судов были присущи Хакасскому областному суду и поскольку судьям следующей инстанции были подсудны более серьёзные дела, при рассмотрении которых цена судебной ошибки много выше, это проявлялось в ещё большей степени.

С 12 по 17 декабря 1944 г. заместитель начальника управления наркомата юстиции по Красноярскому краю Любошевский провёл ревизию Хакасского облсуда, оценивая его работу в первые 9 месяцев 1944 г.

Штат областного суда состоял из 5 судей. Председателем облсуда был Трудолюбов Григорий Павлович 1902 года рождения, член ВКП(б). На работу в органы юстиции он поступил в 1931 г., имея при этом 3 класса образования и не получив юридического образования. В должности председателя облсуда работал с октября 1943 г. Его заместителем в июне 1944 г. был назначен народный судья Аскизского района В. Д. Миягашев.

Остальные члены областного суда были представлены исключительно женщинами. Дольше всех в составе облсуда (с 1938 г.) была Александра Георгиевна Баинова, 1914 г. р., член ВКП(б). Её общее образование ограничивалось 6 классами, а юридическое 1 годом. Анна Семёновна Юскова, 1918 г. р., партийная, окончила 7 классов общеобразовательной школы и одногодичную юридическую школу. В органах юстиции Анна Семёновна работала с 1938 г., в облсуде с марта 1944 г. Самым старшим по возрасту членом облсуда была Клавдия Вакховна Макунина, 1901 г. р., член ВКП(б). В органы юстиции Клавдия Вакховна была направлена уже в зрелом возрасте в 1938 г. В облсуде работала с ноября 1944 г. Её общее образование составляло 8 классов, юридическое отсутствовало¹².

Рассматривая биографические сведения членов Хакасского областного суда можно отметить следующие тенденции: 3 из 5 судей были молодыми

людьми моложе 30 лет. Все члены суда, кроме председателя были рекрутированы в органы юстиции в 1938 г., то есть тогда, когда в результате массовых репрессий ряды сотрудников юстиции значительно поредели, и был произведён новый набор. Все 5 судей являлись членами партии, 3 по национальности были русские (Трудолюбов, Юскова, Макунина), 2 хакасы (Миягашев, Баинова). Ни один из членов облсуда не имел высшего юридического или среднего общего образования.

Ознакомившись с судебными документами и побеседовав с судьями, ревизор пришёл к неутешительным выводам о профессиональных качествах и общей культуре хакасских работников юстиции: «Никто из выше перечисленных товарищей не читает никакой литературы: ни юридической, ни политической, ни художественной, за исключением товарища Макуниной, которая перечитывает русскую классику. Никто из состава областного суда не состоит заочником юридической школы»¹³.

Судебные дела хранились в канцелярии в деревянных шкафах с маленькими замками, что не гарантировало сохранность и секретность документов. Кроме того, облсуд не оформил допуск к секретным документам секретарю первой инстанции, несовершеннолетней девушке¹⁴.

В течение всего 1944 г. областной суд работал без плана. За весь год члены облсуда не попытались обобщить судебную практику по какому-либо кругу вопросов. В данном году облсуд ни разу не представлял литературные отчёты о своей работе ни наркомату юстиции, ни управлению НКЮ по Красноярскому краю, ограничиваясь предоставлением статистической отчётности.

К началу ревизии в областном суде имелся недостаток народных заседателей. В списке заседателей было лишь 15 жителей г. Абакана. Это сказывалось в ходе выездных заседаний облсуда, его судьям приходилось привлекать заседателей местных народных судов, что нарушало положения Закона «О судоустройстве».

Для исправления обнаруженных недостатков, зам. начальника УНКЮ по Красноярскому краю предложил следующие меры: всем членам областного суда надлежало заочно поступить в юридическую школу г. Иркутска и посещать занятия в воскресном университете марксизма – ленинизма в г. Абакане, провести довыборы народных заседателей, составить план работы¹⁵.

Слабая теоретическая подготовка членов Хакасского областного суда проявлялась в неправосудных приговорах, не своевременном исполнении вынесенных решений. Из-за недостаточной общей грамотности и безалаберности людей, занимавших ответственные посты, в делах царили

беспорядок и бесконтрольность: документы не сдавались в архив, паспорта, военные и профсоюзные билеты осуждённых не передавались военкоматам и милиции. Язык определений судебной коллегии не соответствовал ни юридической терминологии, ни правилам русского языка¹⁶.

Учитывая такой уровень кадров, областной суд не мог полноценно выполнять другую, возложенную на него функцию: заниматься подготовкой народных заседателей и повышением квалификации народных судей. Как говорилось выше, зачастую народные судьи имели более высокий уровень образования, чем их коллеги из облсуда. Исходя из этого, начальник УНКЮ по Красноярскому краю принял решение направить О. М. Драко в первом квартале 1944 г. на практику в Красноярский краевой суд, где квалификация и опыт работы судей позволял гораздо лучше подготовить молодого нарсудью к исполнению служебных обязанностей¹⁷.

Столь тяжёлое положение судебского корпуса объяснялось массовым набором кадров в состав органов юстиции, происходивший после «великой чистки». Местные партийные органы интересовались не столько профессиональной подготовкой кандидатов на должности судей, а их политической благонадёжностью, отдавая при этом предпочтение молодым или не очень молодым партийцам, что мы видели на примере членов Хакасского областного суда. Низкая заработная плата провоцировала высокий уровень текучести кадров в судебных органах: в 1939 г. из состава судебского корпуса выбыло 28% его состава, в 1940 г. этот показатель несколько снизился¹⁸.

Подготовка юристов в довоенные годы не соответствовала потребностям органов юстиции ни количественно не качественно. В 1940 г. в РСФСР насчитывалось 37 юридических школ, в которых обучалось 4225 слушателей, в данных учебных заведениях не было постоянного штата преподавателей и необходимых учебников, зачастую отсутствовали учебные программы¹⁹.

В годы Великой Отечественной войны руководство страны предприняло серьёзные меры для улучшения качества юридического (особенно высшего) образования. Так, в марте 1942 г. была возобновлена работа юридического факультета МГУ. Росло количество студентов в юридических институтах, в Московском юридическом институте в 1940/41 уч. г. обучалось 840 студентов, а в 1944/45 – 1800. Большинство студентов-юристов в тот период обучались по заочной форме. В 1942/43 уч. г. по системе Всесоюзного заочного юридического института было принято 1979 чел., в 1942/43 – 2363 в 1943/44 – 2363 и 1944/45 – 3945. В 1945 г. во ВЮЗИ НКЮ СССР обучалось около 10 тыс. человек в 27 филиалах²⁰.

Количественный рост студентов-юристов в период Великой Отечественной войны не мог полностью решить проблемы повышения образовательного уровня сотрудников органов юстиции вообще и представителей судейского корпуса в частности, особенно это касалось периферийных районов страны. Юридические учебные заведения распределялись по территории СССР неравномерно, для многих потенциальных абитуриентов было не по силам добраться до городов, находившихся в тысячах километрах от места их проживания: нехватка средств, загруженность на работе, семейные факторы становились препятствием для получения образования. Многие из поступивших на заочное обучение не имели возможности или желания закончить полный курс. Проблема качества судейских кадров до конца войны оставалась актуальной.

Помимо судов общей юрисдикции в годы Великой Отечественной войны в Хакасии действовали военные трибуналы, в компетенцию которых входило в ряде случаев рассмотрение дел гражданских лиц.

Расширение полномочий данных судебных институтов, по мнению С. А. Папкина, являлось одним из характерных признаков чрезвычайной обстановки. Оно не только отражало отчётливое понимание верховной властью сложности предстоящих организационных задач по отражению агрессии, но и демонстрировало тот тип взаимоотношений режима и социума, который сложился в минувшее драматическое десятилетие²¹.

Указ о трибуналах появился уже 22 июня 1941 г., он вводил упрощённый порядок рассмотрения уголовных дел в районах, где вводилось военное положение. Затем трибуналы были созданы практически на всей территории СССР²².

Перед судом военного трибунала представляли в частности руководящие работники, которые злоупотребляли своим положением. Так, 13-14 августа 1943 г. военный трибунал войск НКВД Западно-Сибирского округа в составе под председательствующего старшего лейтенанта юстиции Семикина, младших лейтенантов юстиции Кабанова и Хомяковского с участием сторон: прокурора Александренко и адвоката Бочарникова провёл судебное заседание в ходе которого разбиралось дело бывшего 1-го секретаря Шарыповского райкома ВКП(б) Матвея Тимофеевича Лунёва, 1909 г. р., уроженца Калининской области, исключённого из партии в связи с данным делом.

Матвей Тимофеевич обвинялся в совершении преступления по ст. 109 УК РСФСР (злоупотребление властью или служебным положением). В ходе судебного заседания было установлено, что Лунёв, занимая ответственный

пост, «встал на путь обмана областных руководящих организаций». Выражалось это в том. Что он в ходе весенней посевной кампании 1942 г. вместо положенных 13-15 дней растянул её на 2 месяца, не уведомив об этом руководство области и отчитавшись 21 июня о посеве на площади 31537 га, тогда как фактически было засеяно 28518 га.

Осенью Матвей Тимофеевич вновь обманул вышестоящие инстанции. 10 октября 1942 г. он отчитался о завершении посева озимых явно раньше срока его фактического окончания. По распоряжению Лунёва район в тот же срок давал областным организациям сводки об окончании уборки хлеба на 100%, при этом только Шарыповской МТС на 1 октября было нескошено зерновых культур на площади 3518 га.

В результате того, что Лунёв вместо нормальной организации сельскохозяйственных работ, занимался очковтирательством, весенний сев во вверенном ему районе был проведён с большой затяжкой и выполнен только на 89,7%, а уборка урожая затянулась настолько, что часть посевов осталась неубранной до зимы.

Вина бывшего 1-го секретаря нашла своё подтверждение, и он был приговорён к 2 годам лишения свободы без права обжалования приговора²³.

Помимо высокопоставленных партийных и советских работников, председателей колхозов, директоров совхозов, руководителей предприятий к подсудности военного трибунала войск НКВД относились дела о дезертирстве мобилизованных для работы на промышленных предприятиях. Принуждение к труду практиковалось в СССР ещё в предвоенные годы. В ходе Великой Отечественной войны ограниченность трудовых ресурсов вынуждала руководство страны жёстко контролировать процесс пополнения рабочих кадров, для чего был введён в действие ряд законодательных актов.

Одним из них был Указ от 13 февраля 1942 г. о мобилизации для работы на производстве и строительстве трудоспособного городского населения: мужчин с 16 до 55 лет, женщин с 16 до 45 лет. За уклонение от мобилизации согласно этому Указу предусматривалась санкция в виде исправительно-трудовых работ сроком на 1 год²⁴. Поскольку большинство мужчин названных возрастов уже были призваны или подлежали призыву в действующую армию, большинство из мобилизованных на трудовой фронт составляли женщины и молодёжь, для которых условия труда на промышленных предприятиях были слишком тяжёлыми, что провоцировало дезертирство.

С 15 июля по 15 ноября 1943 г. военный трибунал войск НКВД осудил за несанкционированное оставление рабочих мест 214 чел. трудившихся на

шахтах треста «Хакасуголь». Из них 59 чел. были в возрасте до 18 лет и 77 от 18 до 25 лет. Членом ВЛКСМ был 21 осуждённый.

В течение 1943 г. число молодых рабочих-угольщиков осуждённых за дезертирство росло. Если в первом полугодии таковых было 16 чел. в среднем за месяц, то во втором уже 34 чел. Члены трибунала объясняли более чем двукратное увеличение количества молодых дезертиров плохой работой с молодёжью Черногорского горкома ВЛКСМ и первичными комсомольскими организациями, особенно с вновь пришедшими в угольную промышленность. Производственный стаж 84 молодых осуждённых составлял до 3 месяцев, 52 - до 6 месяцев.

Так, комсомолец Сергей Александрович Морев, окончив школу ФЗО в мае 1942 г., работал на шахте № 7. Молодой человек был трижды судим за прогулы. В ходе третьего процесса он обвинил комсомольскую и профсоюзную организации в равнодушии к его проблемам.

Мобилизованная в угольную промышленность в апреле 1943 г. жительница села Ново-Енисейка Бейского района, член ВЛКСМ Анна Кузьминична Лещенко работала перекаччицей на шахте № 3. В июле 1943 г. Лещенко вместе с 5 своими односельчанками обратились к администрации шахты с просьбой отпустить её одну домой за продуктами. В ответ девушки получили отказ. Тогда все шестеро уехали без разрешения. Добровольное возвращение на шахту могло бы освободить молодых работниц от уголовной ответственности, что они и собирались сделать после недолгого пребывания в родном селе, однако в дело вмешался председатель местного колхоза Вержилинский. Ему также требовались рабочие руки, и он запретил девушкам возвращаться, приказав им работать в колхозе. Услышав возражения работниц угольной промышленности, председатель ответил: «когда понадобится, тогда и отпущу», превратив их, таким образом, в нарушительниц закона. В таком положении трибунал обвинил не только осуждённых и председателя колхоза, но и Ново-Енисейскую комсомольскую организацию, которая не вмешалась в ситуацию и не указала на неправильные действия, как девушкам, так и председателю.

В докладной записке на имя секретаря Хакасского обкома ВЛКСМ Елизарьева, председатель военного трибунала войск НКВД ХАО капитан юстиции Коршунков указал и на отсутствие нормальных бытовых условий в бараках, в которых проживали молодые рабочие угольщики, что военный юрист совершенно справедливо посчитал одной из основных причин роста дезертирства с шахт²⁵.

Таким образом, военный трибунал не являлся просто карательной машиной, стремившейся только к наказанию тех, кто оказался на скамье

подсудимых. Члены трибунала стремились понять причины их противоправного поведения и, совместно с органами гражданской власти устранить таковые.

Работники железнодорожного транспорта в Хакасии были подсудны специальной судебной инстанции – военному трибуналу Красноярской железной дороги. Данный судебный орган рассматривал дела о крушениях и авариях на железной дороге, кражах, совершавшихся из поездов и на железнодорожных станциях, прогулах и дезертирстве рабочих и служащих железнодорожного транспорта.

Поскольку железные дороги находились на военном положении, отношение к ним со стороны ведомственного трибунала было более строгим, чем к штатским подсудимым в судах общей юрисдикции.

Характерным примером разбирательства дела в военном трибунале Красноярской железной дороги был процесс в ходе, которого рассматривалось дело бывшего билетного кассира ст. Ширы Марии Панфиловой. Во время судебного заседания, состоявшегося 30 апреля 1942 г., было установлено, что Панфилова, член ВЛКСМ с 1938 г., приехала на ст. Ширу в августе 1941 г. с Дальнего Востока и 29 августа 1941 г. была принята на должность кассира. В дальнейшем моральном падении Марии трибунал обвинил отца девушки, работавшего ревизором в Ужурском, а затем Иланском отделении Красноярской ЖД. Оставшаяся без родительского присмотра, кассирша полюбила разгульную жизнь, вести которую на свою зарплату в 225 рублей в месяц она не могла себе позволить.

Уже в сентябре 1941 г. Панфилова присвоила 5335 рублей от продажи 42 билетов, 2014 руб., полученных от разезда Туим, 214 руб. – штрафных сумм и т. д. Всего в карманы предприимчивой кассирши перекечовало 7858 руб. государственных денег. Что бы скрыть хищение Мария подделала ведомости на получение указанных сумм.

Украденные деньги Мария тратила на посещение столовой Золотопродснаба, где заказывала самые дорогие блюда, тратя в день по 100 руб. и больше. Поскольку Панфилова часто брала с собой в столовую секретаря комсомольской организации Горбунову, та закрывала глаза на некомсомольский образ жизни подруги. Не обращали внимание на это ни начальник станции Кореневский, ни его заместитель Федорович. А ревизор финансового отдела Юков, с августа 1941 г. по март 1942 г. 4 раза проводивший ревизию работы Панфиловой ограничивался переписыванием наличия билетов в кассе и отсылкой актов в управления дорогой.

Комсомолка была приговорена к 10 годам лишения свободы с конфискацией всего имущества и поражением в избирательных правах на 3 года по отбытии основной меры наказания²⁶.

Коллективы железнодорожных станций часто представляли собой дружные сплочённые коллективы, в которых начальство старалось помочь работникам, совершавшим противоправные поступки. Член военного трибунала Красноярской железной дороги Лыжин, побывавший на ст. Сон в апреле 1942 г. обнаружил ряд «ненормальностей в отношении командования станции к нарушителям трудовой дисциплины», о которых он доложил в рапорте на имя председателя трибунала майора юстиции Першина.

«Ненормальности» выражались в том, что в суд не были переданы дела стрелочницы Марчук, явившейся 8 марта 1942 г. на работу в нетрезвом виде, уснувших на работе в ночь на 21 марта 1942 г. членов комсомольской бригады, прогулявшего 6 суток стрелочника Небылицы, не вернувшегося из отпуска практиканта Бахтина. В отношении перечисленных лиц объявлялись выговоры или переводы на другую, иногда более тяжёлую, но высокооплачиваемую работу. Слишком мягкое отношение к нарушителям трудовой дисциплины начальник станции Иванченко и его заместитель Непорада объясняли своим малым опытом в подобных делах²⁷.

Перед судебными органами в годы Великой Отечественной войны стояли непростые задачи. Большое количество новых законодательных актов, становившихся источниками уголовного права в военное время налагали на судей и народных заседателей дополнительную ответственность, они должны были отличить подлинных преступников от тех, кто совершил проступок исходя из уважительных причин под давлением обстоятельств. Решение комплекса задач осложнялось слабой подготовкой большинства представителей судебного корпуса и давлением на суды со стороны партийных и советских органов. Суд не представлял собой отдельную ветвь власти, суды общей юрисдикции были частью наркомата юстиции, и приказы наркома были обязательными для исполнения судьями.

Несмотря на эти факторы, в советской судебной системе действовал принцип законности. Дела рассматривались с участием обвинения и защиты, в судах общей юрисдикции имелась возможность пересмотра приговора в следующей инстанции.

Примечания

1. Папков, С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 281-282.
2. Печерский, В.А. Судебная система и правосудие в Хакасии в годы Великой отечественной войны. // Актуальные вопросы истории и культуры Саяно-Алтая: сборник научных статей. Вып. 15. / отв. ред. Тугужекова В. Н. Абакан, 2013. С. 45.
3. Кожевников, М. В. История советского суда. М., 1948. С. 314.
4. Отдел документов новейшей истории Национального архива Республики Хакасия (ОДНИ НА РХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 951. Л. 1.
5. Там же. Л. 2.
6. Там же. Л. 4.
7. Там же. Л. 6.
8. Там же. Л. 51-52.
9. Там же. Л. 54-55.
10. Там же. Л. 57-61.
11. Там же. Л. 71.
12. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 803. Л. 1-2.
13. Там же. Л. 2.
14. Там же. Л. 10.
15. Там же. Л. 26-27.
16. Там же. Л. 21.
17. ГАКК Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 29. Л. 64.
18. Соломон Питер Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. М., 1998. С. 262-263.
19. Там же. С. 264.
20. Кожевников, М. В. Указ соч. С. 355-356.
21. Папков, С. А. Указ. соч. С. 280.
22. Там же. С. 281.
23. ОДНИ НА РХ Ф. 2. Оп. 1. Д. 949. Л. 59.
24. Папков, С. А. Указ. соч. С. 284.
25. ОДНИ НА РХ Ф. 2. Оп. 1. Д. 949. Л. 82.
26. ГАКК Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 40. Л. 34.
27. Там же. Л. 21.